

ПОРТРЕТ ПОЭТА

Альберт ИЗМАЙЛОВ

«ЧЕРЕЗ ПАМЯТЬ МОЮ...»

К 100-летию со дня рождения
поэта Михаила Дудина

Волшебством и чудом стала Поэзия для Михаила Дудина с детских лет. С первых песен матери, с первой прочитанной некрасовской строки, поразившей его стройным ладом мысли, великой печалью, молчаливой любовью. Да, у поэзии нет возраста. Во все века она заботит, очищает, обороняет.

В литературе, как и в науке, есть категории, инструменты, с которыми работает литератор. В литературе это триединые категории: слово — мысль — образ. Мышление приводит литератора к определенному типу мировоззрения, познанию действительности, освоению опыта исторического развития, совершенствованию интеллектуальных, эмоционально-ценностных взглядов на мир.

Его человеческим учителем была Жизнь, а литературным учителем — книги русских классиков и русское народное творчество. «Для меня служба в армии, — писал он, — была не только военной, но и жизненной школой... школой литературной, школой поэтической»¹.

«Я знал Жуковского... — говорил Дудин, — любил его покоряющие душу стихи и баллады с юношеских лет...» Поэт Жуковский был еще и необычным переводчиком. «Он как бы пересаживал, — писал Дудин, — великих поэтов на почву русского языка и неназойливо делал их достоянием своего читателя, расширяя его горизонты родства».

Звонкая песня жаворонка над Соротью, с которой Дудин сравнивает живую, неумиращую всенародную любовь к Пушкину-поэту, Пушкину-человеку, служит напоминанием о том, что поэзия, как живительный образ жаворонка и чистой воды,

Альберт Федорович Измайлов родился в Ленинграде в 1937 году, житель блокадного Ленинграда, кандидат филологических наук.

¹ На страже Родины. 1959. 5 мая.

сопровождает нас всегда, от рождения до последнего дня, служит учителем и утешителем, советчиком и оберегом.

Он учился у Ф. И. Тютчева пониманию силы прозрения, сочувствию боли, конечности бытия. Жизнь и творчество Некрасова как поэта и публициста, редактора и организатора литературного процесса были для Дудина примером служения народу. Строки Некрасова вспомнились Дудину и в тот день, 14 ноября 1989 года, когда на пленуме правления Союза писателей РСФСР его выступление, призывавшее к разуму и совести, было встречено «топаньем и хлопаньем»:

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда...

Его учителями были природа и люди пушкинского Михайловского. «Я живу в самом Михайловском, — писал он, — на маленькой веранде, пристроенной к сложенной из булыжника кладовой... Веранда на северном склоне продувается насквозь, но мой любезный друг одолжил мне валенки. В них тепло и удобно...

Наш век быстрый век. Даже слишком быстрый! А жизнь человеческая, по какой-то величайшей несправедливости самой природы, не такая длинная, как бы человеку хотелось...»²

Журналистской работой М. Дудин стал заниматься еще до войны. После окончания ФЗУ работал литсотрудником в газетах «Всегда готов», «Ленинец», «Рабочий край», одновременно учился в педагогическом институте.

В 1939 году был призван в Красную армию, служил во взводе разведки полковой батареи береговой обороны полуострова Ханко. За участие в советско-финской войне был награжден медалью «За отвагу».

Газета «Правда» в ноябре 1941 года писала: «Пройдут десятилетия, века пройдут, а человечество не забудет, как горстка храбрецов, патриотов земли советской, ни на шаг не отступая перед многочисленным и вооруженным до зубов врагом, под непрерывным шквалом артиллерийского и минометного огня, презирая смерть, во имя победы являли пример невиданной отваги и героизма. Великая честь и бессмертная слава вам, герои Ханко»³.

Среди героев полуострова Ханко был и М. Дудин. Первый бой военно-морская база Ханко приняла 22 июня 1941 года. Длительное время героический гарнизон срывал крупные силы врага.

«С первых до последних дней войны, — вспоминал М. Дудин, — я был в Ленинграде. На полуострове Ханко, где около 30 тысяч солдат держали оборону, защищая Финский залив от вторжения немцев, я был солдат, артиллерист-наводчик, затем стал корреспондентом газет „Красный Гангут“, „Огневой щит“, „Знамя победы“, „На страже Родины“, в которой проработал до конца войны». Он писал для газет рассказы, стихи, сообщения, сатиру, юморески, участвовал в подготовке текста ответного письма гарнизона острова Ханко барону К.-Г.-Э. Маннергейму на его предложение сдать 10 октября 1941 года. В одном из номеров газеты «Красный Гангут» было напечатано его стихотворение:

Не взяли нас ни сталью,
ни огнем

² Дудин М. Где наша не пропадала. М., 1988. С. 7—8.

³ «Правда». 1941. 3 ноября.

Ни с воздуха, ни с суши
и ни с моря.
Мы по земле растоптанной пройдем,
В других местах с другим
врагом поспоря.

Во время окопной войны с переднего края, когда наши «пропагандисты» через усилители начинали «зывать в плен», белофинны молчали и слушали; когда фашистские и белофинские «ораторы» через усилители начинали говорить, наши прекращали стрельбу и слушали. Однажды гангутцы услышали «личное послание Маннергейма», в котором он называл наших воинов «доблестными защитниками Гангута» и предлагал сдаться, ибо, как он считал, «Ленинград не сегодня-завтра падет, Гитлер в Москве „устроит парад своих войск“, а Сталин сбежит к Рузвельту в Америку»⁴. Гангутцев это послание разозлило, и они сочинили ответ. Этот ответ вместе с газетой был разослан во все наши подразделения, около тысячи экземпляров этого послания было сброшено нашими летчиками над Хельсинки. «Говорят, что один лист через форточку залетел в кабинет Маннергейма»⁵.

Позднее в редакции, на Невском, 2, Дудин работал и жил, трудился вместе с сатириком Б. Флинттом, художником Б. Леоновым. Он припомнил один эпизод, который произошел в 1943 году: «Однажды на безлюдном Невском проспекте увидел человека, который стоял на одной ноге возле магазина (закрытого), пытаясь оторвать болтающуюся подошву ботинка. Он балансировал, подметка не отрывалась, приходилось ему то и дело хвататься за металлический поручень. Тут я подошел, и... мы поздоровались, оторвали ненужную подошву и зашли на Невский, дом 2 — в редакцию „На страже Родины“, где Дудин работал. Этот человек и был — „Мур-мур“, т. е. В. Б. Шкловский, известный советский писатель. С ним я познакомился в предвоенный какой-то год, может быть 1938-ой. После этой встречи в блокадном городе пошел к нему в номер в „Асторию“, чтобы попросить подписать мой экземпляр его книги, но не „ЗОО“, а „Гамбургский счет“, именно этот томик».

Долгие годы Михаил Дудин дружил с художником — графиком Борисом Семеновым, переписывался. В одном из писем Семенов писал в 1943 году одному адресату: «Сейчас гостит Михаил Дудин — поэт... Очень милый парень, впервые я его узнал во время финской войны, он выступал на поэтическом объединении в Доме писателей... Он закончил повесть (на 4 печатных листа), называется что-то вроде „Дорога на холм“. Я-то еще не читал, Дудин говорит, что интересно...»⁶

У Михаила Дудина, как одного из плеяды писателей-фронтовиков, мировоззрение формировала война, Вторая мировая. Родившийся в годы Первой мировой, он чувствовал воздух эпохи — жизнь, пахнувшую порохом.

Несколько позднее Дудин скажет: «Пожалуй, ощущения войны остались самыми цепкими в моей памяти. И очень хочется на этих живых ощущениях создать образ своего замечательного сверстника, человека доброго сердца с далеким взглядом вперед»⁷.

Поэт Н. Тихонов в 1942 году говорил о Дудине: «У него народный говорок, у него склонность к раешнику, хотя он не избегает и сатирического стиха. Ему же принадлежит часть участия в историческом письме ханковцев Маннергейму. Это послание, как и письмо запорожцев к турецкому султану, станет со временем широко извест-

⁴ Дудин. М. Цикламены на цоколе. М., 1967. С. 32–37.

⁵ Дудин М. Цикламены на цоколе. М., 1967. С. 32–37.

⁶ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел. Ф. 839. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 2.

⁷ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 112. Оп. 3. Ед. хр. 853. Л. 5.

но. Дудин сотрудничает в газете ханковцев вместе с художником Пророковым, талантливым мастером политической карикатуры, и надо сделать так, чтобы рисунки Пророкова и стихи-подписи к ним Дудина были изданы альбомом, который должен быть известен за пределами Ленинграда, так как это, несомненно, очень нужно в настоящее время...»⁸

В письме Дудину бывший старшина 2-й статьи В. С. Зольников так писал о знаменитом послании Маннергейму: «...когда наш старшина Владимир Рудный читал это послание, то перед тем, как прочитать его собравшимся в зале, попросил всех женщин выйти из зала...»⁹

Каждая судьба человека, особенно на войне, несла в себе и радость встреч, и горечь разлук. Каждая судьба являла собой произведение, синтез былой мирной и тогдашней военной жизни.

«Когда говорят о победе, — отмечал М. Дудин, — помните, что в этой победе немалая доля усилий моих друзей-гангутцев. Они были в самых тяжелых боях по освобождению Ленинграда... Может быть, вам придется увидеть человека с оригинальным знаком на правом отвороте пиджака. Если вы прочтете на этом знаке „Гангут. 1941“ — знайте, это солдат Великой Отечественной войны, не знавший отступления».

Однажды, после войны, в канун 9 мая, Дудин принес в Лениздат стихотворение:

Ракеты осыпаются, скользя
По гребням крыш в Неву. А я печален.
Сейчас я вижу, как из-под развалин
Встают мои погибшие друзья.
Они идут в косых лучах рассвета:
Жизнь пополам, и песня недопета!
Поземка их оплакала в ночи,
Звезда в пустые заглянула очи.
И если мне в страданье нету мочи,
Не утешай, не сожалей. Молчи...¹⁰

Поэт перечитывал письма фронтовиков. Запомнились ему строки Евгении Михайловны Моисеевой, которая писала о боях под Тосно, у 8-й ГРЭС, под Красным Бором, за Колпино, на Синявинских высотах, вспоминала Яблоновку на Охте...

В ответных строках М. Дудин писал о том, что людям разных поколений следует искать понимание, фронтовикам следует вспомнить Яблоновку на Охте, «где отдыхала после боев под Тосно 63-я дивизия генерала Симоняка... как же все это не вспомнить, ведь это наша молодость, ее любовь и верность на всю жизнь».

Дудин вспоминал Токсово, где «стояла тогда редакция и походная типография армейской газеты „Защитник Родины“», встречался здесь с Н. Тихоновым, А. Фадеевым.

Дудин писал о фронтовом друге, поэте Георгии Суворове. «Последний раз я видел Георгия 9 или 10 февраля 1944 года, — отмечал Дудин после войны, — он приехал из-под Нарвы, разгоряченный успехами нашего наступления. Глаза его горели радостью победы. Командир взвода противотанковых ружей, он читал стихи, пахнувшие ветром и дымом, исполненные верой в чудо победы... Он погиб на переправе через Нарву...»¹¹

⁸ Центральный государственный архив историко-политических документов. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 320. Л. 22.

⁹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 112. Оп. 2. д. 46. Л. 1–3.

¹⁰ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел. Ф. 858. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 20.

¹¹ Дудин М. Подвиг твой бессмертен // Белые ночи. Л., 1985. С. 11–12.

Позднее на страницах журнала «Звезда» Дудин встречался «со своими сверстниками Недогоновым и Наровчатовым, Максимовым и Лукониным», так же, как и он сам, «проползшим на животе по мерзлому вереску Карельского перешейка от Сестры до Выборга, от той самой Сестры, о которой двадцать лет тому назад Николай Тихонов сказал коротко и по-тихоновски вразумительно, сказал как камень врзал: „Река Сестра, а берега не братья“»¹².

В послеблокадном Ленинграде постепенно налаживалась мирная жизнь. По Невскому бежали «нарядные разноцветные троллейбусы. Разбомбленные здания целомудренно одевались в строительные леса. В искалеченных домах фанеру понемногу заменяли стеклами. Изъеденные язвами обстрелов здания спешно гримировались дешевой косметикой. У коммерческого продуктового магазина, именуемого „елисеевским“, стояли большие очереди и наряды вежливой милиции». Поэта Михаила Дудина нередко видели на литературных вечерах. В то послевоенное время он ходил в шинели «враспах», на голове военная фуражка, одетая «по-казацки». Его напевный голос плавно сливался с хрустальной петербургской речью. Поэта тепло встречали в домах культуры, заводских цехах, студенческих аудиториях. Его творческий голос креп, мужал, социализировался. В Доме писателей Дудин читал свою поэму «о женщине-председателе колхоза», читал «звонко, голосисто, своевременно, с прицелом на деревенскую ласковость... Хвалили... а кто-то сравнивал его поэзию сразу и с Державиным, и с Некрасовым»¹³. Его поэзия светилась добрым чувством гражданственности, поэтической пристрастной публицистикой.

На всю жизнь в его творчестве сохранились военные и блокадные мгновения. На пропилеях Пискаревского мемориального кладбища остались записи, автором которых является М. Дудин. Да, поэзия — явление редкое, необычное. Поэты поколения фронтовиков находили «какой-нибудь эпитет» — «в воронке под огнем».

Он трудно привыкал к мирной жизни. В альбом друзьям-поэтам записывал такие строки:

А мне ночами снятся танки
На черной Пулковской горе...

...Не все исхожены дороги,
Не все изведаны места.
И жизнь, лишённая тревоги,
Для нас бессмысленно пуста¹⁴.

На его стихи слагали песни. Где-то на перекрестке проспекта Энгельса и улицы Михаила Дудина в придорожном кафе я как-то услышал напевные строки:

Мне все снятся военной поры пустыри,
Где судьба нашей юности спета.
И летят снегири, и летят снегири
Через память мою до рассвета...

Он писал рецензии на книги поэтов, освоившись в непростом ленинградском писательском сообществе, помогал и молодым и маститым литераторам опублико-

¹² Всё с этим городом навек... Л., 1985. С. 677.

¹³ ОР РНБ. Ф. 1448. Ед. хр. 14. Л. 10.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 1165. Ед. хр. 408. Л. 2—3.

вать свои труды. В феврале 1963 года писал в письме детской писательнице М. М. Дубянской: «Дорогая Мария Марковна! Ваше доброе и беспокойное сердце мне очень понравилось. Сегодня я передал его по Вашей просьбе в „Ленинградскую правду“. Дай бог, чтобы Ваше непосредственное сердце билось так же флегматично и живо. Желаю Вам добра и здоровья. М. Дудин»¹⁵.

Он перевел много стихов с языков народов Советского Союза и иных, переложил на русский язык стихи шведскоязычной финской поэтессы Эдит Сёдергран, которая родилась в 1892 году в Рошине, тогда носившем финское название Райвола.

Стихотворения Михаила Дудина были переведены на башкирский, татарский, армянский, латышский, польский, венгерский и другие языки.

О высокой роли переводческой работы Дудин говорил: «...в наше время, когда происходит естественный процесс общения народов, культур, очень важно каждому советскому поэту в силу своих способностей. ответственности пред временем заниматься переводом»¹⁶.

Эпиграммы Дудина запоминались, передавались из уст в уста. Об одной поэтессе он сказал:

Ни голоса, ни оперения,
Чирикает стихотворения.

Чутко чувствуя музыку слова, писал:

...Снова
Я плачу перед наготой
Святой естественности слова,
Дивясь высокой простотой.

И высокая простота пушкинского слова подвигла Дудина к тому, чтобы вместе с директором Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина Семёном Гейченко выступить инициатором проведения на Псковщине в Михайловском Всесоюзных пушкинских праздников поэзии. За организацию и проведение Всесоюзного пушкинского праздника поэзии и пропаганду творчества А. С. Пушкина в 1977 года Дудину было присвоено звание «Почетный гражданин Пушкинских Гор». Стихи Дудина высечены на обелиске на Могиле Неизвестного солдата, при входе в Михайловские рощи со стороны деревни Бугрово.

Дудин читал стихи с борта легендарного крейсера «Аврора». Читал как современник и вершитель отечественной истории, как представитель поколения победителей. Ведь у Победы оставалась своя боль. И неудивительно, что именно Михаил Дудин стал инициатором создания Зеленого пояса Славы — комплекса мемориальных сооружений на рубежах битвы за Ленинград в 1941—1944 годах. Тысячи рабочих, служащих, бойцов молодежных студенческих отрядов участвовали в его создании. Эта волнующая памятная цепь Славы была воздвигнута в 1965—1968 годах.

После войны, когда Дудин жил в своей первой послевоенной квартире в Коломне, он прислал Семенову, который работал тогда в редакции журнала «Нева», телеграмму:

Заслуги в области культуры —
Таит и суть твоей природы.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 1170. Ед. хр. 51. Л. 1.

¹⁶ Советская Россия. 1982. 11 мая.

Служи заслуженной «Неве»
Всем, что имеешь в голове¹⁷.

В июле 1967 года Дудин писал Семенову из села Михайловского на Невский, 3, в редакцию «Невы»: «Сейчас, Боренька, утро. Дождик отошел, а день хорошеет, светлеет. Сегодня я встретил Иринку. Она приехала дня на два проведать меня. Сейчас она спит с дороги. А я посылаю тебе:

Я долго думал на рассвете,
Смотря на дальние холмы:
Кто мы? Земли слепые дети
Или самоубийцы мы?

Протоки светлое колено
Дрожало рябью мелких жил.
И белый аист копны сена,
Расхаживая, сторожил...»¹⁸

К книге воспоминаний Бориса Семенова «Время моих друзей» Дудин написал предисловие: «Мой друг обладает удивительной способностью видеть в каждом человеке изюминку и превращать ее, иногда вопреки самому обладателю этой изюминки, в живой цветок творчества, в радость... Не без его энтузиазма еще во время войны возник журнал „Костер“. Не без его влюбленности „Ленинградский альманах“ превратился в журнал „Нева“. Не без его практических советов стала выходить „Аврора“...»¹⁹

Смысл жизни художника состоит не в спасении души, а в служении обществу. В структуру сознания автора включаются воля и эмоции. Важнейшим в процессе творчества является выдвижение идеи. «По моему глубокому убеждению, — писал Дудин, — искусство возникает из железной необходимости художника сказать — словом ли, кистью, резцом — все равно, но сказать о каких-то главных, глобальных проблемах времени, привлечь к ним внимание людей. Ведь что сделало русскую классическую литературу мировой литературой? Прежде всего те высокие народные и общественные идеи, которые были заложены в ее основе и характере... И я думаю, что самое главное в каждом таланте — это его сопричастность с основными жизненными проблемами времени»²⁰.

Он подчеркивал, что, обсуждая литературные проблемы, важно говорить «о преемственности нравственного опыта». Путь человеческого познания трагичен. Мы учимся на синяках и шишках, и жизнь свидетельствует, что невозможно ничего делать на земле без точного знания, как тот или иной поступок отразится на ее существовании.

Отвечая на вопрос «Как вы понимаете ответственность художника?», Дудин говорил: «Ответственность — это высшая форма свободы, ее осознанная форма,

¹⁷ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел. Ф. 839. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 4.

¹⁸ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел. Ф. 839. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 16.

¹⁹ Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел. Ф. 839. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 3.

²⁰ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. 112. Оп. 3. Д. 83. Л. 13.

ибо только тот человек может быть по настоящему счастлив и свободен, кто не боится брать на себя ответственность».

На опыте русской литературы Дудин знал, что в России поэт — «это обязательно еще и общественный деятель в широком понимании слова»²¹.

«Чем больше времени проходит, тем явственнее вырисовывается истинный масштаб личности Михаила Александровича Дудина, — рассказала председатель Санкт-Петербургского Совета мира и согласия Вера Николаевна Бровкина, — впрочем, встречаясь с ним почти ежедневно, мы, конечно же, понимали, кто рядом с нами. Он был одной из самых ярких фигур в миротворческом движении России, в которое включился сразу после войны».

Вся послевоенная жизнь Михаила Александровича прошла в Ленинграде. Один из сборников его стихов так и называется «Все с этим городом навек».

И, наверное, никто в нашем городе не сделал так много для сохранения памяти о защитниках Ленинграда, о блокадниках, о страшной трагедии войны, как Михаил Александрович. Он болезненно относился к тому, что сегодня находятся люди, пытающиеся облить черной краской всё, что пережито страной и народом в военную пору: «Не распирай мой день, вчерашний», — восклицал Дудин в одном из самых пронзительных своих стихотворений последних лет.

Не распирай мой день вчерашний
И не пытайся на меня
Свалить с поспешностью всегдашней
Позор сегодняшнего дня.

Михаил Александрович говорил: «...я люблю рисовать. Когда-то хотел стать художником... между прочим, рисую я своеобразно: когда не входит „живопись“ или „рисунок“ словом, начинаю портить бумагу фломастером или красками. Мои рисунки — это своеобразные „знаки“... Я старый газетчик. В редакции работал с 1934 года. Память была прекрасная, никогда ничего не записывал, однако ни фамилий, ни цифр не путал... Но пятнадцать лет назад, в Чили, вдруг чувствую, не получается, не все теперь оседает в голове. Тогда стал рисовать, и по изображениям потом вспоминалось все, что надо»²².

Поэзия и проза, кино и фотография, публицистика и литературная критика, рисунок и публичное выступление в городах и весях, странах и континентах — это постоянная работа мысли и чувства, это постоянное постижение смысла жизни, борьба за настоящего Человека — сына Земли и Мира.

После войны Михаил Александрович много внимания уделял произведениям для детей, переводил стихотворения советских и зарубежных поэтов, писал стихотворения, очерки, либретто, рецензии, киносценарии, воспоминания, собирал частушки, двустушия, присловья. Современно звучат его многие строки из книги «Грешные рифмы». И эти строки, как говорил сам автор, написаны «не смеха ради, а для раздумий», раздумий о том, «что мир должен держаться на мастерстве и мастерах».

²¹ Дудин М. Поле притяжения. Л., 1984. С. 179.

²² Литературная Россия. 1981. 31 июля.